

Закатное солнце окрашивает половину трупа Лай Сюя в красный. Он умер весьма жалко, во всём сквозит нелепость. Умер без всякой ценности.

Он пытался утащить Юй Чэньиня с собой в ад, чтобы вечно быть вместе в загробном мире, где восемнадцать видов жестоких наказаний заставили бы его думать, что он всё ещё жив.

Но он нелепо умер в одиночку.

Юй Чэньинь присел на корточки, повернул его лицо к себе:

— Раз ты так хотел быть со мной вечно, то почему бы тебе не стать монстром? Я — демон, ты — монстр, вместе звучит куда более подходяще, чем раньше. Лай Сюй, я исполняю твоё желание. Рад?

Юй Чэньинь прокусил себе палец и прикоснулся им к холодным губам Лай Сюя, введя палец в его рот.

Сначала труп никак не реагировал, но спустя мгновение начал сам сосать и, посчитав этого недостаточным, даже укусил.

Юй Чэньинь от боли скривился, и, заметив, что Лай Сюй начинает бесноваться, пнул его прямо по голове, вытаскивая свой палец.

Из пальца закапала тёмно-зелёная кровь, и на том клочке земли внезапно буйно выросли цветы и травы, которые тут же увяли.

Лай Сюй покатился по земле, набив рот пылью. Юй Чэньинь тихо вздохнул, подошёл и схватил его за шею:

— Слушайся, понял? Кто слушается — пьёт кровь, кто не слушается — жуёт землю.

Лай Сюй бешено закивал. Его лицо, вздувшееся от вен, резало глаз, а внезапно выросшие острые и твёрдые ногти заставили Юй Чэньиня прищуриться:

— Открой рот, я посмотрю.

И точно: зубы превратились в ряд острых клыков, отливающих серебристым блеском.

Юй Чэньинь не желал смотреть на это лицо, вернулся в дом и взял цепь и маску, которые приготовил Лай Сюй. Изначально они предназначались для Юй Чэньиня, а теперьгодились самому Лай Сюю — можно сказать, круг замкнулся.

Монстр не мог говорить, только скулил и выл. Юй Чэньинь, ведя монстра на цепи, направился

на север. Лекарственному человеку не нужна еда — достаточно фотосинтеза. Монстру тоже не нужна — он живёт, питаясь кровью Юй Чэньиня.

Это тело Лекарственного человека ещё не сформировалось до конца, когда Лай Сюй выкопал его. Юй Чэньинь не мог долго идти — быстро уставал. К счастью, монстр был силен и могуч, для него не составляло труда нести человека на спине.

Сначала он не умел носить — напрочь забыл человеческий опыт, нёс тряско, и Юй Чэньиню было некомфортно. Но постепенно этот потерявший разум монстр, словно учась, стал нести вполне устойчиво. Юй Чэньинь часто засыпал, прислонившись к широкой спине Лай Сюя, в ласковом солнце и мягком ветерке.

Юй Чэньинь не спешил в пути; всякий раз, когда попадались диковинные пейзажи, он хлопал Лай Сюя по плечу, веля остановиться.

Он стоял на вершине горы и смотрел вниз: глаза заливали зелень и растекающаяся белизна. Деревья росли из горной почвы, свободно орошая половину склона, облака рождались на вершине, чтобы уплыть дальше.

В прошлой жизни он так жаждал увидеть всё это своими глазами. Не из книг, не на картинках, не в фантазиях — а ступить на настоящую землю, прикоснуться к реальности руками. Он жаждал дышать иным воздухом, впустить в лёгкие зелень лесов, синеву трав, красный цветочек, прозрачность родников. Теперь это сбылось, но в душе закралась тревога. Он не знал, чего боится. Великолепие плескалось перед глазами, но он то боялся потерять, то терялся в сомнениях.

— Старший брат... — зачем-то прошептал он.

Лай Сюй услышал звук, подумал, что зовут его, и зашагал к Юй Чэньиню ногами, в несколько раз толще прежних.

Будучи охотником, Лай Сюй и при жизни был крепок, а после смерти, став монстром, раздался вширь и ввысь ещё больше, походя на дикого зверя. Юй Чэньинь рядом с ним казался нежным цветком в лапах хищника.

Разумеется, Юй Чэньинь был хозяином монстра, а не игрушкой. Поэтому он приказал ему встать на колени:

— Ты заслоняешь вид справа.

Лай Сюй послушно опустил на колени, но не удержался и потянулся носом к руке Юй Чэньиня. Бронзовая маска на нём была не такая гладкая, как нефрит, и натёрла руку Юй Чэньиня до красноты, стало больно.

Юй Чэньинь не рассердился, а рассмеялся, схватил его за шею, пытаясь поднять. Проклятье! Монстр оказался невероятно тяжёлым! Лай Сюй не шелохнулся, а у Юй Чэньиня первым заныла рука.

С долей злости и смущения он пнул Лай Сюя ногой и ушёл сам.

Лай Сюй пополз за ним на коленях: Юй Чэньинь останавливался — и он замирал, Юй Чэньинь шёл — и он продолжал.

Юй Чэньинь обернулся, глядя прямо на Лай Сюя:

— Оставайся здесь, не двигайся, дай мне одному посмотреть на пейзаж. Слушайся, понял?

Лай Сюй встал на колени — только тогда Юй Чэньинь смог смотреть ему в глаза. Эта разница в размерах раздражала Юй Чэньиня, но, увидев, что Лай Сюй послушно замер, он успокоился.

— Ладно, пойдём, — он обошёл Лай Сюя сзади и положил руки ему на грудь. Спина Лай Сюя была не особенно мягкой, но широкой. Юй Чэньинь расслабил всё тело, и прежде чем соскользнуть, Лай Сюй протянул руку, сжал его ноги и встал.

— До столицы ещё далеко, когда я усну, не забудь ускориться, — тихо проговорил он, положив голову на правое плечо Лай Сюя. Лёгкое дыхание касалось уха Лай Сюя, словно облако, красное в час заката.

Лай Сюй смутно помнил прошлое, мысли его были тяжелы, словно он из человека деградировал в дикого зверя, действуя по наитию. Он чувствовал, что маленький Лекарственный человек на спине мягкий, как горсть родниковой воды, и пахнет лекарственными травами — ароматом глубоких гор после дождя, сочной зелени.

Маленький Лекарственный человек такой маленький, такой хрупкий. Если чуть сильнее сжать — разобьётся. Если ему больно на спине, он заплачет? Будет тихо всхлипывать, не зная, что делать?

Если опустить его в родник, он захлебнётся и умрёт?

Такой маленький, такой маленький — нужно встать на колени, чтобы как следует разглядеть.

Дыхание за спиной стало ровным и тихим. Лай Сюй переместил правую руку вверх, обхватил талию, отпустил левую руку и, переведя Юй Чэньиня перед собой, обнял целиком.

Монстр смотрел на маленького Лекарственного человека в своих объятиях и не удержался — наклонился, чтобы вдохнуть аромат. Солнце падало на маленького Лекарственного человека, делая его влажный таинственный запах тёплым, словно высушенный и свернувшийся лист, или

льдинка, тающая в цветке апельсина.

Это его собственное растение, подумал монстр. Он должен защитить это хрупкое растение, чтобы другие звери не разорвали его на части. Лекарственный человек такой капризный — если укусить, неизвестно, как он будет плакать.

Хотя плакать он, наверное, будет красиво, но лучше не надо. Маленький Лекарственный человек красив и спящим, и весёлым, и сердитым.

Монстр впервые почувствовал нечто похожее на слово «ответственность». Где-то в глубине души он чувствовал, что несёт ответственность за этого маленького Лекарственного человека. Он обязан защищать его, заботиться, терпеть его маленькие капризы. С самого зарождения сознания монстра перед ним было лицо маленького Лекарственного человека; он не интересовался, откуда взялся сам. В тот миг, когда открыл глаза и увидел маленького Лекарственного человека, этот зверь решил охранять растение.

В джунглях полно опасных и соблазнительных зверей; он боялся, что если не уследит, маленького Лекарственного человека испортят другие мерзкие твари. Лекарственный человек такой нежный; а если его обманет кто-то, кто не станет терпеть его капризы, наиграется и ломает?

Растения всегда не способны осознать свою слабость и слишком переоценивают свою привлекательность. Кроме такого дурака, как он, кто ещё встанет на колени, чтобы сделать счастливым слабое, беззащитное растение?

<http://bllate.org/book/18606/1791623>